

«...НАСТАЛО ВРЕМЯ ОЦЕНИТЬ ВНИМАТЕЛЬНО ПОЭТИЧЕСКУЮ СУДЬБУ БЛОКА»

(ИЗ АРХИВА Н. Н. АСЕЕВА)

Сообщение А. М. Крюковой

Начиная с первых шагов в литературе и кончая последними поэтическими строками и незавершенными статьями, Н. Н. Асеев обращался к имени своего великого современника. Посвятив Блоку несколько статей¹, неоднократно упоминая его имя и ссылаясь на него почти во всех выступлениях на литературные темы, Асеев неизменно подчеркивал огромную роль Блока в судьбе целого поэтического поколения, шедшего вслед за ним и воспитавшегося на поэзии «мирового лирика» (по его определению в одной из статей). Но при этом Асеев никогда, ни в молодые годы, ни в пору подведения итогов, не говорил отдельно о роли Блока в своей собственной творческой судьбе. Много и подробно рассказывавший в последние годы жизни о том, «у кого мы учились? У кого учился, в частности, я?»², Асеев в первую очередь называл народную речь с ее пословицами и поговорками, книгу Потебни «Мысль и язык», «Житие протопопа Аввакума», «Слово о полку Игореве», Киршу Данилова; из великих учителей прошлого поэт называл Гоголя, Пушкина, Баратынского, а из современников — Маяковского и Хлебникова. И если кого и можно было назвать «первым учителем» Асеева, — то разве только Маяковского, с именем которого он прошел всю творческую жизнь.

Вместе с тем в ряду ближайших и непосредственных учителей поэта одним из первых был Блок.

Отчасти эта тема затрагивалась в работах последних лет³; наша задача — на основе неопубликованных, малоизвестных, а также уже вошедших в читательскую орбиту материалов обосновать ее необходимость в изучении творческой биографии Асеева. Исследование темы «Блок и Асеев», на наш взгляд, должно расширить представление о многообразных связях Блока с поэзией XX в.

Как это получилось, и какие внутренние, психологические причины не позволили Асееву во всеуслышание сказать — с той же степенью убежденности и фактической аргументации, как о Маяковском, — об определяющей роли Блока в своей собственной судьбе — трудно сказать, но дело обстояло именно так; недаром исследователи под впечатлением большого количества высказываний Асеева о Блоке, ставших известными совсем недавно, в 1970-е годы, тогда же и заговорили на эту тему.

В 1980 г., к столетнему юбилею Блока, была впервые напечатана статья Асеева «Поколение Блока» (1940), пожалуй, лучшее из того, что написано им на эту тему, в которой содержалось очень важное признание поэта: «Александр Александрович Блок был для нашего поколения тем писателем, к которому устремлялись мысли и чувства молодежи еще со школьной скамьи. Блок привлекал нас душевной широтой, благородством поэтического размаха, незаинтересованностью в личной судьбе. В нем чувствовался обаятельный облик того вымирающего писательского племени, существование которого читатель благоговейно чтит, даже не будучи знаком с написанным. Таковы были, к примеру, Баратынский и Тютчев. А уж если попадал к читателю томик такого поэта, то он с ним оставался надолго, если не навсегда»⁴. Конечно, это — отголоски собственного юношеского восприятия «томиков» Блока, скорректированного опытом и знанием более позднего времени. Интересно, однако, что в другой статье того же периода («Несгорающий костер», 1940), написанной одновременно со статьей «Поколение Блока», эта картина восприятия поэзии Блока дана в более обобщенном, образно-метафорическом виде: «Огромная бескрайняя равнина. Глухая тьма, впитывающая в себя без отсчета малейшую огнилку, мелькнувшую где бы то ни было, как пустыня впитывает капельку трудно накопленной росы. И на этом черно-бархатном фоне — фигура, легкая и гордая, с северным холодным лицом, с правильной формы головой, покоящейся на колонной шее, как бы срезанной белым широким отложным воротником, с расширенными, точно от ужасного видения глазами. Это тот, чьими стихами вооруженное, входило в жизнь наше поколение десятых годов»⁵.

В творческой биографии поэта можно наметить несколько периодов наибольшего тяготения к Блоку. Самый ранний из них — период 1909—1916 гг.

В статье, открывавшей итоговую книгу литературно-критических статей Асеева «Зачем и кому нужна поэзия» (1961) и озаглавленной блоковскими словами «Не такое нынче время», автор, как уже упоминалось, подробно рассказал о своих предшественниках и учителях. Вот как рисовалось ему начало его поэтической биографии: «Вначале мне нравились стихи из сборников «Чтец-декламатор», в которых сведены были в кучу и замечательные, и посредственные произведения. И должен признаться, что вначале я увлекался именно посредственными. Они легче воспринимались, легче заучивались... Только гораздо позже я сообразил, что это не Пушкин был далек, а я сам недалеко в своем понимании поэзии»⁶.

Для нашей темы существенно обратить внимание на то, что многие авторы «Чтец-декламатора» и других подобного типа изданий, в изобилии представленные в те годы на книжном рынке, были откровенными эпигонами символизма и, в частности, подражателями Блока. Поэтому можно предположить, исходя из приведенного выше позднейшего свидетельства поэта, что первое знакомство Асеева со стихами Блока произошло через «вторые руки», т. е. через неталантливое переложение блоковских мотивов в произведениях эпигонской поэзии. Это предположение подтверждается многочисленными стихами Асеева, с которыми он впервые выступил в литературе (они печатались в журнале Н. Г. Шебуева «Весна», в альманахе «Первоцвет», в «Новом журнале для всех», в детском журнале «Проталинка», в альманахе «Лирика»). Эти стихи Асеев никогда потом не включал ни в свои сборники, ни в собрания сочинений; в конце жизни он вновь перечитал их, очевидно, в связи с подготовкой собрания сочинений (в его личном архиве сохранились позднейшие машинописные тексты этих стихотворений) — и вновь перечеркнул, теперь уж окончательно.

Однако трудно предположить, что даже в ранний период Асеев мог не читать, не слышать стихов самого Блока. Тем более, что к тому времени, о котором идет у нас речь (т. е. к 1910—1911 гг.), Блок был прославленным автором пяти стихотворных сборников и двух томов первого собрания сочинений, постоянно печатаемым, чрезвычайно популярным поэтом. Асеев не мог не знать его не только как человек, почувствовавший в себе творческие возможности, но и просто как молодой читатель, любящий поэзию.

Интересная для нашей темы деталь. В 1909 г. в Киеве вышел IV том «Чтец-декламатора», в котором, как писал Блок матери 24 октября того года, было «перепечатано» («с ист<инным> бесстыдством») 13 его стихотворений с портретом⁷. Вот перечень этих стихотворений: «На весеннем пути в теремок...», «Обман», «Легенда», «Осенняя воля», «Вхожу я в темные храмы...», «Бегут неверные дневные тени...», «Незнакомка», «Девушка пела в церковном хоре...», «Побывала старушка у Троицы...», «В голубой далекой спаленке...», «Повесть», «Фабрика», «Друзьям»⁸.

То была единственная публикация стихов Блока в этом весьма эклектичном издании. Асеев был, конечно, знаком с ней; во всяком случае, в его первых стихах очевидны реминисценции блоковской образности, почерпнутой и из стихов, помещенных в «Чтец-декламаторе». Достаточно, например, сравнить стихотворение Асеева «Старинное» («В тихом поле звонница...») с такими стихами Блока, как «На весеннем пути в теремок...» или «Обман», чтобы убедиться в этом.

Н. Н. АСЕЕВ

Фотография, середина 1920-х годов

Частное собрание, Москва

Главное же в этом следовании начинающего поэта Блоку заключалось в своеобразном усвоении самого характера лирического героя Блока, стиля его поведения, противопоставленного, как, например, в стихотворении «Легенда», поведению «толпы» («И толпа грохотала. И гроза грохотала.//Ангел белую девушку в Дом Свой унес...» — П, 167—168).

На сходном мотиве противопоставления построена вся ранняя лирика Асеева, в том числе и первая книга стихов «Ночная флейта».

Я пришел к вам в тихий вечер
Из далеких стран.
Взор мой светел, грустны речи,
Гибок тонкий стан...

— таков образ «певца» в одноименном (сейчас забытом) стихотворении Асеева 1914 г.⁹

С. П. Бобров, сам переживший страстное увлечение поэзией Блока, в воспоминаниях «Записки о прошлом» так рассказывает об атмосфере поклонения Блоку, царившей в их общей с Асеевым литературной среде: «До сих пор мои собственные робкие попытки кропать стишки я хранил в величайшем секрете, показывая их — и то одним краешком и довольно редко — меньшей сестре и кротко упиваясь в глубине сердца ее неподдельным удивлением. Конечно, все это было, как я и сам догадывался, еще очень-очень недоразвито! Это не шло ни в какое сравнение с чудесными стихами Блока ... или с бледным блеском Брюсовского стиха... — увы! даже с лукавой наигранностью Кузмина..., а ведь это были мои боги, над строками которых я просиживал ночь за ночью. Вырос я в семье, где читали Полонского, К. Р., Алексея Толстого ... у меня был вкус к стихам, который пережил великий неопишуемый взрыв, когда лет в четырнадцать я впервые напал на сердце-пронизывающие странички Блока. О высочайшем совершенстве Баратынского или Тютчева я вспоминал с рабострастным благоговением. Но Блок что-то со мной сделал... И я стал сочинять сам, несказанно угнетаясь моей неумелостью, неловкостью и прочими бедами в том же роде»¹⁰.

Эта часть воспоминаний Боброва публикуется впервые. А далее здесь следует фрагмент, теперь хорошо известный в литературе: о знакомстве Боброва с Асеевым, относящемся к 1910 (1911) г.:

«Мы шли вместе по Неглинной, потом дальше около Политехнического музея, читали стихи, вспоминали Блока, вспоминали удивительного Тютчева. И я дрожащим голосом прочел: „Звезды на небе сияли. Ночь достигла половины...“

— Я этого не знал, — отозвался он тихо, и в голосе его что-то дрогнуло, приветливо и строго.

— А вот это еще! самое мое любимое... — и стал читать несказанно-прекрасную, на мой взгляд, „Итальянскую виллу“.

— Вот это стихи... — сказал прочувственным голосом мой спутник. — Вот для этого стоит жить...

И снова стали вспоминать тонкую нежность Блока, а затем суровую, всю дрожавшую страшной трагедией лирику Баратынского, где вдруг неожиданно такая красивая и гордая песня счастья мелькнет...»¹¹

«Блок и близкие к нему символисты казались как бы расцветшей любовью Левина и Кити, — продолжал Бобров, — точно самое чистое и самое хорошее в унылой русской жизни озарилось каким-то неземным по своей ясной красоте огнем... Брюсов казался каким-то бронзовым чудом, вроде древней статуи, которая обещает расцвет силы и нового могущества... А ведь орнаментализм, вся немного театральная красивость этого нового направления не замечалась... Невозможно было не плениться всей тончайшей нежностью Блока... а страшные тени угрюмых бессмыслиц окружающего мы старались не замечать. И не замечали»¹².

В памяти К. М. Асеевой сохранились впервые услышанные ею строки Асеева, относящиеся ко времени ее первых встреч с ним в Харькове, в 1911—1912 гг.

В высокой гостиной
легко и невинно
раздавался девический смех.
Люблю ли Бетховена,
Моцарта, Баха...¹³

«Дальше не помню, — рассказывает К. М. Асеева. — Тогда же он прочел нам свои стихи, написанные под влиянием Блока»¹⁴.

Этот рассказ мне доводилось слышать не раз в последние годы: незабываемое впечатление юности, потрясение, испытанное от прозрачных, казалось, необыкновенных, стихов... Но что же это были за стихи? И какие стихи имеются в виду — из тех, «написанных под влиянием Блока»? Ведь в воспоминаниях К. М. Асеевой сохранились и другие асеевские строки, которые любили повторять «поэтически-настроенные молодые люди» из их окружения: «Ужас, ужас в голубой стране...» Строки «В высокой гостиной...», очевидно, входили в недошедшую до нас редакцию стихотворения Асеева «Золотая карета», впервые опубликованного в 1915 г. и вторично напечатанного поэтом в дальневосточной газете в 1919 г.¹⁵

А вот строки «Ужас, ужас в голубой стране» входили в другое стихотворение Асеева — «Голубой гобелен», которое поэт в те годы (1911—1912) не напечатал, а впервые опубликовал также лишь в 1919 г. во владивостокской газете «Далекая окраина» (где и удалось нам отыскать его в 1960-е годы — сейчас оно вошло в библиографические справочники):

Ты прошла — и звезды побледнели,
ты прошла и вечер замолчал...
Помню, помню — легкой ритурнели
светлый звук, смеясь, тебя встречал.
<...>

Но когда из пышношумной свиты
вышел рыцарь, страстный рыцарь твой,
как твои цветущие ланиты
мертвую сверкнули белизной!

С губ твоих усмешка не сбежала
(сердце ли заплакало твое?).
Но в перчатке узкого кинжала
тусклое сверкнуло лезвие...

И порвались голубые нити,
ужас, ужас в голубой стране...
Ты сказала: «Рыцарь, посмотрите,
так плачу я за измену мне!»...¹⁶

Первой книгой стихов — «Ночная флейта» (1914) — завершился у Асеева ранний период увлечения Блоком. Асеев заимствовал у Блока не только название для своей первой книги («Ночная флейта» ассоциируется с «Ночной фиалкой» Блока, 1907), но тему, поэтический сюжет. В этом можно убедиться, перечитав стихи «Внезапье», «Ночной поход», «Фокусник», «Как вынесло утро тяжелые стрелы», «В сини четырехугольника» и др.¹⁷ Последнее ассоциируется со стихотворением Блока «Митинг» (1905), на что уже обратили внимание исследователи.

Привлеченный прежде всего блоковской поэтикой, Асеев еще робко отзывается на социальный пафос стихотворения, которое было создано в период первой русской революции. И все же можно предположить, что гражданская тема, возникшая в поэзии Асеева позже, после Октябрьской революции, шла в определенной степени и от Блока. В упоминавшейся статье «Поколение Блока» Асеев говорит именно об этой стороне воздействия Блока: «Его стихотворение „Митинг“, недостаточно еще оцененное до сей поры, останется свидетельством вечной близости поэзии с революцией <...> И сцена страшного убийства его <героя стихотворения, „оратора, политического трибуна 1905 года“> из-за угла провокатором и то, как человек лежал, и как солдат держал ружье над убитым, — все это быстро и остро отмечено пристальным внутренним взором поэта. И этот поэт „ночным дыханием свободы уверенно вздохнул“. Вместе с Блоком вздохнул дыханием свободы и его читатель. Это очень много было — увидеть рождение этой свободы не только в прокламациях и демонстрациях, но и в духовном ее облике, рожденном голосом поэта»¹⁸.

После «Ночной флейты» в творчестве Асеева наступает новый этап, связанный с его увлечением футуризмом. Однако литературные группы, к которым примыкал Асеев в 1915—1916 гг., возникавшие вокруг одноименных небольших издательств в те годы довольно часто и вскоре же, по слову Пастернака, лопавшиеся (как, например, «Центрифуга» и «Лирень»), — не представляли это течение в чистом и программно осознанном виде, а являли собою нечто среднее между символизмом, с которым они были связаны «по праву рождения» (слова Асеева)¹⁹,

Н. Н. АСЕЕВ

Фотография, конец 1950-х годов
Частное собрание, Москва

и мощной волной футуризма, роль которого в истории отечественной литературы (и судьбе Асеева) во многом объяснялась тем, что одним из выразителей его стал на какое-то время Маяковский.

Но именно тогда, когда Асеев утверждался самостоятельно, когда, казалось ему, он уже окончательно расстался с символизмом и стал представителем нового направления в русской поэзии, он и решил обратиться к Блоку с письмом.

О существовании переписки Асеева с Блоком в литературе известно давно; в 1975 г. В. Н. Орлов впервые опубликовал из нее ответное письмо Блока Асееву²⁰; письма же Асеева Блоку до сих пор не были напечатаны. Приводим текст этой переписки полностью.

1. АСЕЕВ — БЛОКУ

〈Харьков〉 8 марта 1916 г.

Дорогой Александр
Александрович.

Вместе с письмом Вам послана книга, последняя, вышедшая в нашем изд-ве. Цель ее посылки — ознакомить Вас с внешним видом издаваемых нами книг. Если она Вам понравится, то цель письма просить Вас

участвовать в сборнике, задуманном к〈нигоиздательст〉вом Сборнике стихов и критики. В него войдут вещи лиц, поименованных в участниках журнала (см. объявления в «Леторее»). В этот журнал — если бы Вы захотели — Вас тоже просим.

Для сборника нужны стихи: для журнала всяческие наблюдения Ваши над стихом, словом, над событиями их мира, заметки о синтаксисе и грамматике и так далее.

Приглашение это следует не по соображениям выгод издательских, но по личному расположению к Вам, многоуважаемый Александр Александрович, как к поэту сильнейшему из Вашего поколения, а так как вечные ссоры поколений становятся все менее острыми, то союз с и л ь н е й ш и х * будет и должен иметь возможность править распушенным донельзя вкусом широких масс.

Хотя последнее — конечно же для красного словца.

Это приглашение послано Вам и никому другому из начавших с Вами. Но поверьте, не для темных целей рекламы и выгоды. Будьте уверены в любви к Вам.

Ник. Асеев

Адрес до июня: Харьков, Старомосковская ул., д. 54, кв. 5, к-ву «Лирень», для Григория Николаевича Петникова²¹.

* Слово подчеркнуто Блоком красным карандашом и над ним поставлены вопросительный и восклицательный знаки.

2. БЛОК — АСЕЕВУ

(Петроград) 20 мая 1916 г.

Книги Ваши и письмо я получил давно, а не отвечал потому, что «Леторей» оставил меня равнодушным, письмо же показалось несерьезным, потому что Вы как-то торжественно называете себя «сильнейшим». Ну, скажите, кто же это так о себе думает; разве в полемической брошюре, а в письме зачем? — Это не по-русски.

Александр Б л о к ²²

3. АСЕЕВ — БЛОКУ

(Харьков, конец мая 1916 г.)

Многоуважаемый Александр Александрович!

Мне очень печально, что «Леторей» оставил Вас равнодушным, хотя я сейчас же утешил себя тем рассуждением, что старшим очень трудно воодушевиться уважением младшего возраста, будь это движение в поэзии, науке или баррикадах. Кроме того, хорошему поэту очень редко нравятся чьи-либо стихи вообще. Что гораздо более меня огорчило — общая враждебность Вашего ответа. Здесь она настолько ясна, что мне даже неловко упоминать об ослепленном положении, в которое она Вас, Александр Александрович, поставила. *Никогда* я Вам не писал *о себе*. Письмо объясняло обращение *к Вам*, как *к сильнейшему* из своего возраста. Это и теперь мое убеждение. И еще более подтвержденное (сильнейший — несправедливейший).

Итак, ваш укор оборотился лицом к Вам. Что же касается «скромности», «русской», то, говоря вообще, упрекать в ее отсутствии русского — по-моему, так же не резонно, как упрекать немца в отсутствии у него в галстук булавки в виде крупновской пушки.

Но все это — не нравоучение, а спокойный разговор. И я ни капли не в обиде на Вас.

Приглашая же Вас в участники изданий своих — я видел в Вас *талантливого* поэта и только. Мне это легче видеть, т. к. дети всегда старше своих отцов во времени. Мой отец кажется мне ребенком.

Я не знаю, как убедить Вас в своей серьезности, потому что боюсь ее маски. Прошу извинить меня за навязчивость — но я не мог оставить Ваше письмо без ответа. Пишу Вам на Вашем же письме только потому, чтобы Вы могли с ним справиться.

Жму Вашу руку.

Ник. А с е е в ²³

Блок на это письмо не ответил, сделав лишь пометку на нем: «Через „Летопись“ получ(ил) 4.VI.1916» ²⁴.

Остается не совсем ясным, почему письмо Асеева получено Блоком через «Летопись». Возможно, это было связано с тем, что обидевшийся Асеев послал свой ответ поэту не на его домашний адрес, а на официальный, через журнал «Летопись», издававшийся в Петрограде под редакцией Горького. А о сотрудничестве Блока с Горьким в 1915—1916 гг. Асееву было, очевидно, хорошо известно.

С другой стороны, также не совсем ясно сейчас, было ли обращение Асеева к Блоку в 1916 г. первой попыткой установить личный контакт с поэтом, или ей предшествовали другие.

Вчитаемся в письма Асеева к Блоку. В. Н. Орлов, опубликовавший, как уже говорилось, письмо Блока Асееву, полагал, что вместе с письмом Асеев послал ему выпшедшие в книгоиздательстве «Лирень» две свои книги: напечатанный на тектографе небольшой сборник стихотворений «Зор» (1914) и сборник, выпущенный совместно с Г. Н. Петниковым, «Леторей» (1915) ²⁵. Для такого предположения есть основания: в конце книг, выпускаемых издательством «Лирень», указывались год и месяц выхода книг; так, к марту 1916 г., т. е. ко времени первого письма Асеева Блоку, вышли только две названные книги поэта, а третья и последняя, выпшед-

шая в этом издательстве в том же году («Четвертая книга стихов «Ой конин дан окейн»), появилась лишь в мае того года.

Следует также обратить внимание на то, что сам Асеев в первом письме Блоку говорит об одной своей книге: «Вместе с письмом — Вам послана книга...» и указывает ее название «Леторей». В ответном же письме Блока говорится, однако, не об одной, а о двух (трех?) книгах Асеева, присланных ему поэтом: «Книги Ваши получил давно...» Из материалов, хранящихся в Пушкинском Доме, известно, что в состав личной библиотеки Блока входили две книги Асеева: «Ночная флейта» (1914) и «Леторей» (1915)²⁶. Эти книги не сохранились, и у нас нет возможности установить, как именно оказалась в составе библиотеки поэта первая книга стихов Асеева «Ночная флейта». Скорее всего, Асеев, увлеченный Блоком, о чем говорилось выше, следуя примеру своего старшего друга С. П. Боброва, пославшего Блоку свою первую книгу стихов «Вертоградари над лозами»²⁷, поступил так же, решив познакомить Блока со своим литературным дебютом, на который возлагал большие надежды. Произошло это, очевидно, в 1914—1915 гг., но ответа Блока на этот подарок не последовало (возможно, потому, что Блоку было нечего сказать о нем, так сильно чувствовалась в этой книге реминисценция его собственных стихов). В связи со всем сказанным нам остается предположить, что письмо Асеева от марта 1916 г. было не первым личным обращением его к Блоку.

Не поправившаяся Блоку «эпатирующая» интонация асеевского письма была вполне приемлемой в среде той молодежи, к которой принадлежал Асеев (вспомним позднейшее свидетельство Б. Пастернака: «чувство правды, скромность, признательность не были в цене среди молодежи левых художественных направлений и считались признаками сентиментальности и кислячества»²⁸). Хуже и неприятнее была эпатирующая интонация творческого, поэтического «поведения», столь явно выраженная в «Леторее», как и в двух других книгах Асеева. Так, в сборнике с претенциозным названием «Зор» (как и «Леторей», и «Лирень» — действительно, сказанным «не по-русски») имя Блока не упоминалось, но наступление нового направления на «символизм» (в лице В. Брюсова) было выражено громко и победительно: «Закидывает громопал за плеча. Наезжает конем на солнце», — такими строками заканчивалось здесь стихотворение «Запевает». «Вал(ерий) Брюсов с костью и сумкой, бормоча заклятия весами и мерой, собирает брошенные тем <т. е. героем „Зора“> славянизмы — в мешок. Наезжают запорожцы. Бр(юсов) прячется. Вдале гром»²⁹. А в «Леторее», стихах и программном предисловии, эта наступательная позиция была выражена еще яснее, что не могло быть принято Блоком.

«Еще и еще раз утверждайте единственную ответственность творчества — правило новаторства, — говорилось в предисловии к этой книге, — но не технического изма, а признания за каждым пишущим своего не боящегося хотенья, поражающего ходячий смысл.

Слово у современного человечества может явиться только в стихе. А стих не является размерной однообразной качкой купе первого класса, как думали доселе. *Он без костей размера! Он без третьего блюда рифмы! Он только сочетание звуков, ведомых проснувшейся волей* (...) Дикое слово ведется нами из душевных дремли»³⁰.

Стоит заметить, что эта программа не была принята и Брюсовым: слова, выделенные курсивом, подчеркнуты им в экземпляре книги, сохранившейся в его библиотеке³¹.

В. Н. Орлов справедливо полагал, что «о неудавшейся попытке завязать с Блоком личные и литературные отношения ... он (Асеев) не вспоминал»³². Более того, он, по-видимому, совершенно забыл о ней. Мы имеем и косвенное подтверждение этому: в архиве поэта сохранился черновой набросок его письма, посвященного переписке с Блоком.

«Благодарю Вас за отрывок из статьи «Тема России в поэзии Блока», но по отрывку трудно судить о целом. Тем более, что даже и в этом отрывке как-то неточно цитируется мое письмо к Блоку и его восприятие этого письма. Вы пишете, что «Асеев обращался к Блоку «как к поэту сильнейшему», а между тем из прочтения ответа Блока следует понять, что сильнейшим будто бы я величал сам себя. Тут какое-то недоразумение, что естественно должно было казаться ему несерьезным. Следует выяснить и привести точный текст моего письма и ответа Блока не в отрывках. Может быть, что письмо было не от меня? В 16 году я был в армии и посылать Блоку³³ <2 врзб.> Было ли оно от «Леторея»? [Может быть, Блок] Кто напел это письмо? М. б., подписал? Выясните, пожалуйста, иначе я буду вынужден протестовать против Вашей статьи.

Н. Асеев»³⁴

Адресат письма не указан; всего вероятнее — оно обращено к С. М. Тарасенкову, автору статьи «Тема России в поэзии Блока», пославшему ее Асееву в 1960 — начале 1961 г.³⁵ Было ли отправлено письмо Асеева к нему, установить не удалось (С. М. Тарасенков умер в 1980 г.),

однако в статье С. М. Тарасенкова фрагмент о переписке Асеева с Блоком напечатан в редакции, которая позволяет предположить, что критическое замечание Асеева автор учел³⁶.

Переписка 1916 г. с Блоком, ее неудачный финал не изменили отношения Асеева к поэту: первая же статья о нем, написанная им еще при жизни Блока, в 1919 г., была проникнута и уважением, и стремлением по достоинству оценить значение Блока в судьбе современного поколения, ставшее особенно явственным в эпоху великих событий Октябрьской революции.

В 1917—1921 гг. Асеев находился на Дальнем Востоке. Об этом периоде своей жизни он оставил многочисленные воспоминания, опубликованные и неопубликованные; достаточно полно исследован этот период и в литературе. Для нашей темы существенно обратить внимание на неизменность внутренней связи поэта с Блоком, сохранившейся у него и в эти трудные и значительные, переломные годы его жизни. «Революция была новой, она сбила оковы не только с политических каторжан, она освободила от оков фантазию, душевный порыв, заветную мысль, надежды молодости. Мы были с революцией потому, что она была с нами неразрывно, неотделимо, ежечасно, ежеминутно»³⁷. В этих словах позднего Асеева до сих пор слышен восторг приятия новой жизни, открывшейся в революции, и желание помочь ей своим искусством. В эстетических взглядах Асеева полнее, чем в его поэтическом творчестве, выразилось и оформилось это стремление. «Беседы о демократизации искусства» (так назывались две статьи Асеева, опубликованные в дальневосточной газете)³⁸ имели широкий диапазон. Асеев опирается в первую очередь на творчество Маяковского, пропагандирует новаторские поиски Пастернака и Хлебникова и одновременно проявляет глубокий интерес к народному искусству. Блок существует в его творческом сознании как бы подспудно, но общение с ним для Асеева органично и естественно.

Интересно свидетельство О. Г. Петровской, участницы литературной жизни Дальнего Востока тех лет: «Как раз в то время (т. е. в 1919—1920 гг.), — вспоминает О. Г. Петровская, — я штудировала работу Александра Блока „Поэзия заговоров и заклинаний“. В ней Блок, углубляясь в историю языка старины народной <...> исследует язык сказок и легенд, поверий и заклинаний. Он много говорит о ритме, о поэтической форме текстов народного творчества.

Я показала Асееву эту статью. Асеев очень любил Блока, очень заинтересовался этой статьей и отрывком о заклинаниях „для отогнания русалок“, где есть заповедные непонятные слова:

Ау, ау, шихарда кавда!
Шивда, вноза, митта, миногам,
Каланди, инди, якутами, битап,
Окутоми ми нуффан, зидима...

Николаю Николаевичу наше исполнение этих строк не понравилось. Он взялся показать, как надо произносить заклинание. Гипнотически глядя на нас, в каком-то особенном синкопическом ритме он то напевал, то нашептывал эти загадочные лесные слова, — и был он тогда кудесником, и знахарем, и Паном, и заклинателем <...>

Асеев рассказывал нам о Хлебникове. Читал „Ладомир“, „Смехачей“, „Вилу и дешего“ и многие другие вещи. Асеев первый показал нам глубину поэтической мысли Хлебникова <...> И впоследствии Асеев долго и горячо увлекался Хлебниковым. И остался предан ему на всю жизнь. Но все-таки, несмотря на пристрастие к Хлебникову и Маяковскому, Асеев больше всех поэтов любил Пушкина и Блока»³⁹.

Организовав во Владивостоке «Литературно-художественное общество» и при нем клуб творческой интеллигенции, Асеев называет его блоковским словом «Балаганчик». Здесь поэт читает лекции о «новом искусстве», стихи Маяковского и Блока, участвует в постановке романтических пьес. Позднее, в Чите, в Историко-литературном кружке проф. М. К. Азадовского и близкой к кружку группе «Творчество», в которую входил Асеев, он продолжает активно пропагандировать Блока»⁴⁰.

Получив в конце 1918 — начале 1919 г. только что вышедшую книгу стихов Блока, Асеев вскоре же перепечатал ее в местных изданиях и выступил со статьями, посвященными ей. В книгу входили «Двенадцать» и «Скифы»⁴¹, открывалась она предисловием Р. В. Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре». Этим заглавием воспользовался Асеев для своей первой статьи о Блоке. Поэма «Двенадцать» была напечатана во владивостокской газете «Дальневосточное обозрение»⁴², одним из редакторов которой был Асеев. «Скифы» открывали третий номер журнала «Творчество» («Журнала культуры, искусства и социального строительства»),

также выходившего во Владивостоке (позднее — в Чите), со следующим примечанием («От редакции» (Асеев входил в редакцию журнала): «Одновременно с поэмой „Двенадцать“, уже известной читателям Дальнего Востока, А. Блоком издано в Советской России нижепомещаемое стихотворение «Скифы», еще не известное на Дальнем Востоке и печатаемое здесь впервые»⁴³. В следующем номере журнала «Творчество» появилась статья Блока «Интеллигенция и революция» с таким примечанием: «Печатаем последнюю дошедшую до нас статью А. Блока, ярко воплотившего те думы, чувства, ожидания, которыми жива сейчас артистическая интеллигенция России, связавшая свои судьбы с народом и революцией»⁴⁴.

Эти произведения Блока оказываются созвучными настроению Асеева; не случайно он посвящает им две статьи. Можно предположить, что и приведенные краткие примечания принадлежат ему.

Статьи Асеева 1919 г. о Блоке теперь хорошо известны. Окидывая взглядом состояние литературы первых лет революции, Асеев склонен оценить ее достижения сдержанно. В цикле статей «Современники» Асеев выделяет, как уже говорилось, лишь три поэтических имени. Даже Есенин, впервые привлечший внимание Асеева именно в эти годы, оценивается им в той мере, в какой он сумел приблизиться к художественным принципам нового, т. е. «левого», искусства⁴⁵. Сурово оценивает Асеев целое направление в литературе, на смену которому, с его точки зрения, пришел футуризм. «Малая раскаляемость духа», недостаточное горение общественными идеалами ставятся Асеевым в вину символизму. И только один Блок стоит для Асеева неизбежно на своей вершине, стоит как норма художнического и человеческого поведения в эти суровые и великие дни, как образец для всего современного поэтического поколения, в том числе и для нового («левого»).

Приведем фрагменты из цикла «Современники», посвященные Блоку, до сих пор не переиздававшиеся.

1. Из раздела «Символисты».

«Немного имен можно назвать среди представителей этого течения. Но все эти имена имеют определенный литературный вес, большое и славное прошлое <...> Непреложно одно: влияние их на поколение очевидно, мирозерцание внедрено в наиболее культурную часть общества, а потому имена их необходимо считать уже закрепленными на страницах истории новейшей литературы. Александр Блок, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Иван Ковневской (умер), Александр Добролюбов — вот группа молодежи 900-х годов, сумевших за короткое время завоевать и переволновать устремления и идеологию русского искусства».

И далее о Блоке: «Лирик большого внутреннего диапазона, чуждый личных интересов и чинопочитания, он сумел завоевать общее признание, не делая для этого специальных „аудиторий“, но увлекая на путь версификаторства сотни молодых людей и девиц»⁴⁶.

2. Из раздела «Последняя страница истории литературы (эклектики и стилизаторы)»:

«... Единственный самобытный и самостоятельный поэт из лагеря символистов — А. А. Блок — никогда не увлекался столь опасным присвоением своей музе чужого облика, чужого платья. Во всех его книгах — ни одного искусственно сделанного стихотворения. Ни одного в заранее заданной форме. И при всем том богатство ритмики, живучесть образов, не отягощенных мифологической, мертвой бутафорией давно умерших божеств и дел»⁴⁷.

Блок, с точки зрения Асеева, стоит как бы особняком в современной ему литературе. Он — один («одинок») в среде равных ему по возрасту и поэтической культуре. В чем же его «тайна», его сила?

Прежде всего в том, что «малая раскаляемость духа», свойственная символизму, не была присуща Блоку. Напротив, он оказался первым и единственным русским писателем, заговорившим высоким поэтическим языком о своей раскаленной революционными событиями современности. Статья Асеева «В грозе и буре (О последних стихах Александра Блока)» посвящена именно такому прочтению и оценке поэмы «Двенадцать» и стихотворения «Скифы»: «Среди всевозможных разрывов и развалов, — пишет Асеев, — постигших русскую общественность за огненные годы крещения революцией, самой устремленной и вместе с тем самой малозамеченной была та гангрена творческой способности общества, его поверхностное, внешнее, верхоглядское отношение к событиям огромного значения, его неумение и нежелание выяснить соотношение этих событий с вопросами хотя бы личного существования, которую можно охарактеризовать как обнищание, дряхлость и упадок воли к жизни старого, засыпающего в оцепенении смерти мира, потерявшего способность мыслить и ощущать <...> И только неожиданно твердо, неожиданно властно прозвучал голос поэта-лирика, поэта, до сих пор не имев-

шего никаких счетов с общественностью, причисленного к лику «наследников Фета» <...> Две его вещи: «Двенадцать» и «Скифы» за короткое время приобрели широкую известность, главным образом по той внутренней значительности и силе, которая всегда сопутствует произведению вневременным и заставляет прислушиваться даже заросшие мхом уши современников...»⁴⁸

Тезис о «неожиданности» выступления Блока требовал разъяснения, которое и последовало во второй статье Асеева, посвященной тем же произведениям Блока. Статья появилась в другой владивостокской газете спустя несколько месяцев и называлась «Радуга революции („Двенадцать“ Блока)». Она имела целью уяснить «то положение, которое займет поэт в истории поэзии вообще, как и в истории революционного искусства, каковое, по нашему глубокому убеждению, — пишет Асеев, — явится предметом особого изучения в будущем». Асеев говорит здесь о связи поэмы Блока со всей «школой русских символистов», оказавшейся «судьбой для обеспечения существования одного лишь поэта». «Творчество этого поэта, — пишет он далее, — в свою очередь было подготовительной работой для одного произведения, нужного и значительного, как антропометрическая съемка характерных линий эпохи»⁴⁹.

Смерть Блока была воспринята Асеевым как большое личное горе. Дважды он выступил на митингах, посвященных памяти поэта; во владивостокской газете была напечатана его статья о Блоке:

«Умер поэт, по масштабу равный Лермонтову <...> Талантливейший представитель группы символистов 900-х годов, он один из них был достоин без оговорок звания поэта. Рыцарь „Прекрасной Дамы“ в начале своего пути, прошедший сквозь „Землю в снегу“ и „Снежные маски“ соловьевского мистицизма, раздумчивой тропой своей вступивший на цветущую тропинку „Нечаянной радости“ свершения и здесь, на страже „Ночных часов“, не изменивший верности своих песен о России, — Блок до конца своих дней остался поэтом непревзойденной певучести и исключительной лирической актуальности. Под его непосредственным и отраженным влиянием выросли почти все поэты сегодняшнего дня»⁵⁰.

На первый взгляд может показаться, что с возвращением Асеева с Дальнего Востока в Москву в начале 1922 г. и его погружением в атмосферу литературных поисков, связанных с футуризмом и Лефом, имя Блока, его творческий опыт отступают для него на второй план. Действительно, после статей 1919—1921 гг. поэт обратится к эстетическому осмыслению опыта Блока лишь спустя двадцать лет. Но и в 1920-е, и в 1930-е годы имя Блока будет оставаться в его сознании, соседствуя и противоборствуя с могучим влиянием на него Маяковского. Лишь позднее Асеев попытается примирить эти два явления отечественной поэзии.

Первое, на что следует обратить внимание: имя Блока постоянно присутствует в статьях и выступлениях Асеева на литературные темы. В декабре 1922 г. в письме группе «Творчество», друзьям в Читу, Асеев, перечисляя новости культурной жизни столицы, как одно из важнейших событий называет: «Интересны книги о Блоке»⁵¹.

Но тогда же, вскоре после возвращения в Москву, в статье 1924 г., посвященной обзору «советской поэзии за шесть лет», Асеев совсем по-иному оценивает послереволюционное творчество Блока: «Начать с перечня ушедших. Если об Александре Блоке достаточно было говорено как об авторе „Двенадцати“ — вещи спорной, стилизованной и мистической, причем наряду с этим совершенно незаслуженно были забыты его революционные стихи 1905 г. <...> то об исключительной потере В. Хлебникова сказано так обидно мало, что будущий историк литературы может впасть в заблуждение относительно повальной глухоты критики современия»⁵², — так начинается эта статья. В дальнейшем к имени Блока поэт здесь уже не возвращается, сказав все свои надежды в литературе с Маяковским — «наиболее яркой фигурой среди поэтов сегодняшнего дня».

Статья при жизни Асеева не была напечатана.

В других выступлениях того же времени Асеев дает развернутые оценки творчества Блока, в которых исходит из вульгарно-социологических позиций футуристического (лефовского) свойства. В статье 1922 г. «Избыной обоз (О „пастушеском“ течении в поэзии наших дней)», посвященной главным образом творчеству Есенина и близких к нему поэтов, Асеев пишет о «двойственности миросозерцания покойного А. Блока, в соответствии с которым он определял Россию то как мессианский нищую, и в этой нищете самодовлеющую, этой нищете предопределенную страну, чьи серые избы ему были „как слезы первые любви“, то как „Америки новой звезду“, восторженно провиденную им вопреки „мутным

взорам колдуна", — эта двойственность наложила отпечаток на лирику нашего времени». И далее: «А. Блок не мог, да и не хотел соединить эти два начала нашего быта, он осязательно противопоставлял их друг другу как враждебные, утверждая в этом противопоставлении романтику своего творчества. Все-таки к концу своей прерванной хаосом быта жизни А. Блок почувствовал необходимость перехода от тютчевской России к новым формам волеизъявления, к новому масштабу ее измерений, к новому ощущению себя в новых же, еле намечающихся контурах ее судьбы»⁵³.

Статью 1922 г. Асеев перепечатал почти без изменений в 1929 г. в своей программной книге «Дневник поэта»; в том же году в другой своей книге, «Работа над стихом», исходя уже не из социальных, а исключительно литературных «жанрово-стиховых» позиций, Асеев повторит и дополнит изложенную выше концепцию. Оказывается, с точки зрения Асеева, «главное несчастье» Блока было «в выборе жанра»; попытка перевести «голоса скрипок» («цыганский жанр») в «план небесных сфер» не удалась ему; тем более невозможно было соединить этот жанр с «музыкой революции» («это была совсем другая музыка, и в диапазон Блока она уложиться не могла, оборвав его голос»⁵⁴).

Асеев полностью, таким образом, меняет свой взгляд на Блока: происходит какая-то метаморфоза в понимании поэта, еще недавно бывшего и учителем, и точкой опоры для него.

Этот период творческой биографии Асеева следует рассматривать в контексте идейно-тематических поисков советской литературы тех лет: от лефовского ее направления до пролетарской поэзии и так называемого «производственного искусства», одним из первооткрывателей которого был поэт А. Гастев. В начале 1920-х годов появились стихотворения Асеева «В стоны стали», «Работа», «Ай дабль даблью», «Стачколомы», «Башни радио», «Жар-птица в городе», «Гастев», поэмы «Черный принц», «Электриада», «Свердловская буря» — огромное количество произведений, составивших две, вышедшие одна за другой книги стихов: «Стальной соловей» (1922, два издания) и «Совет ветров» (1923).

Жертва, которую приносит Асеев ради прославления будущей индустриальной мощи страны и создания соответственно ей «стальной», механизированной поэзии, порой кажется непомерной, грозя уничтожить самое поэзию, но он приносит ее со всем жаром и искренностью поэтически одушевленной натуры, увлеченный новой, революционной явью:

И был соловей, живой соловей,
он бил о таком и об этакое:
о небе, горящем в его голове,
о мыслях, ползущих по веткам.

Он думал: крылом — весь мир обовью,
весна ведь — куда не кинешься...
Но велено было вдруг соловью
запеть о стальной машинище...

Мир ясного света, льни,
мир мощного треска, льни,
звени и звени без умолку!
Он стал соловьем стальным!
Он стал соловьем стальным!..
А чучела — ставьте на полку!⁵⁵

Признавая в Асееве «самого крупного поэта, которого мы сейчас в России имеем», Луначарский уже тогда резко отрицательно оценил это направление его творчества: «Стихотворение „Стальной соловей“ производит на меня тягостное впечатление, — писал он автору. — В нем, правда, по существу говоря, Вы, на чуткое ухо, признаетесь в этой тягости. Вам кажется, что кто-то действительно велел Вам воспевать „машинище“, что Вам захотелось надеть на себя „ярмо“, что у Вас как-то и внутренне и внешне уж такая доля — стать стальным соловьем (. . .) Я все же по-андерсеновски думаю, что живой соловей лучше»⁵⁶. Неизвестно, получил ли Асеев это письмо: местонахождение подлинника до сих пор не установлено, а отклика в произведениях Асеева оно не получило.

В последние годы Асеев пересмотрел эту позицию, не раз оспаривая ее в стихотворениях «Соловей», «К другу-стихотворцу» и др.; но отказаться от нее полностью так и не сумел: «За чем плодить сотни раз пересказанное об урбанизме и футуризме, — писал Асеев в одном из последних писем, — когда урбанизм был понятием, близким к индустриальным мечтам о городах будущего, когда стальной соловей противопоставлялся деревенской избушке Руси, где соловьями заслушивались только те, у кого было время гулять по летним ночам, тогда, в те именно времена, город был на первом плане поэтического мышления. России после разрухи нужны были машины, заводы, шахты. А вместо этого воспевалась избушка, кондовая,

толстозадая бабища Россия. Тогда и только тогда нужен был разговор не о библейски „железном мессии“, а о реве заводских труб и грохоте станков будущего. А тишина, безмашинье, безручье — были врагами будущего. Как же это не понять и смешивать „железных мессий“ с мечтой о стальном соловье... Ну футурист, ну урбанист... Нет, я не был ни деревенским, ни городским. Я был и остался русским, к которому никакое чуждое слово не пристанет, повторю его хоть тысячу раз»⁵⁷.

Характерно, что Асеев объявляет себя непримиримым врагом той «избяной, кондовой» России, в которую палили из своих «винтовочек стальных» двенадцать красногвардейцев Блока.

Эта скрытая цитата из Блока, емкий блоковский образ идеологически важны для Асеева.

До конца 1930-х годов имя Блока отсутствует в статьях и поэтических произведениях Асеева; в поэме «Маяковский начинается», главном сочинении этого периода, Блок упоминается всего один раз, и то для того лишь, чтобы напомнить о тех поэтических явлениях современности, которые, с точки зрения автора, противостояли Маяковскому:

И Блок
Незнакомку уводит во храмы
Нечаянной радости
вызвенеть звук...⁵⁸

И тем более неожиданно прозвучала в 1940 г. статья Асеева, озаглавленная строчкой из поэмы Маяковского «Человек» — «Несгорающий костер», посвященная юбилею Блока⁵⁹ (первоначальное заглавие ее — «Александр Блок») ⁶⁰. Статья несет на себе следы огромной духовной работы, которую проделал автор в эти годы. Мы можем только предполагать, как была мучительна и трудна для Асеева эта работа, связанная с пересмотром недавних представлений о Блоке. Она требовала мужества: ведь к концу 1930-х годов, после смерти Маяковского, в обстановке жесточайшей борьбы за его наследие, Асеев уже приближался к тому, чтобы стать его прямым преемником и продолжателем. А статья 1940 г. о Блоке словно бы обнажила перед читателем его другое и чрезвычайно глубокое творческое пристрастие. Конечно, в статье «Несгорающий костер» еще вполне ощутим налет вульгарно-социологических взглядов, преодолеть которые Асееву не удалось, а может быть, он к этому и не стремился. Однако как бы нас, с сегодняшних позиций, ни удручали и схематизм статьи, и ее некоторая заданность, следует признать это выступление о Блоке 1940 г. важнейшей вехой в творческой биографии Асеева, и даже шире — заметным фактом в истории советской литературы.

Выше уже приводилось вдохновенное начало этой статьи.

Упрекая критику Блока в том, что она «пыталась охарактеризовать его как мистика-символиста, клеила на него ярлычки с дешевыми оценками», Асеев, следует предположить, обращает этот упрек и к себе. А говоря о восприятии Блока поколением молодежи 1910—1912 гг., в котором, как здесь сказано, он опирается на «ощущения своей молодости», Асеев несколько трансформирует эти ощущения в свете сегодняшних представлений: «Вот чему учил нас Блок. Всей полноте жизни, всему ее многообразию, всему буйству ее сил, чтобы в результате этого многообразия научиться самому главному: достойной походке за тяжелым плугом мастерства. И мы всей душой отзывались на этот правдивый голос, на это веселое учение. Мы усваивали от него не хождение в тихие храмы, а любовь к заре, к расвету, к росным травам, к свежести и ясности первоначального ощущения жизни». Статья заканчивалась мыслью о том, что и Маяковский, по-новому перестроивший русский стих, многое воспринял от Блока.

А в статье «Поколение Блока», которую мы упоминали, Асеев более подробно говорит о творческом воздействии Блока на Маяковского; впервые появляется в этой статье и мотив обратного воздействия — Маяковского на Блока, мотив, который Асеев будет подробно разрабатывать в статьях последних лет жизни. Причем взаимовлияние этих поэтов Асеев усматривает не только и не столько в области стиховой культуры и прямых тематических совпадений (например, в поэме Маяковского «Человек» он находит отзвуки блоковских «Плясок смерти» и «Жизни моего приятеля»), но и в сфере идейной: «Гражданский оттенок поэзии Блока, его страстная искренность была тем началом, которое затронуло в Маяковском глубокие чувства»⁶¹. Очень важная и интересная мысль, еще недостаточно воспринятая нами и сегодня. Однако статья «Поколение Блока» представляет интерес

и в другом отношении: в ней впервые, хотя и всего в одном абзаце, было сказано о роли Блока в творческой судьбе таких, казалось бы, далеко от него отстоящих поэтов, как Анна Ахматова и Сергей Есенин: «Свобода его дыхания дала им опыт и возможности, не бывшие до него». Сейчас нам это кажется бесспорным. Но ведь то было сказано Асеевым в 1940 г.

Так был подготовлен в творческом сознании Асеева новый и, может быть, самый глубокий период его духовного общения с Блоком, относящийся ко времени Великой Отечественной войны.

Наследие Асеева этого периода мало изучено. Очень многое из созданного им в эти годы — стихи, поэмы («пять поэм», по его словам), статьи, выступления, письма, оставшиеся неопубликованными, сохраняются в архиве; многое затерялось в периодической печати тех лет. Даже первое знакомство со всем этим огромным (тысячи страниц!) массивом позволяет сделать заключение, важное для нашей темы: Асеев возвращается к Блоку в эти годы не только как теоретик и критик, но и как поэт. Свой главный художественный замысел этого периода, правда, незавершенный, он озаглавливает блоковским словом «Времена» из стихотворения «И не успеть дочесть отходной»: «Так нам велит времен величье»⁶², а всю строку Асеев берет в качестве эпиграфа.

В библиотеке Асеева сохранился сборник Блока «Ямбы» (Пб., «Алконост», 1919). Асеев читал его в 1941—1942 гг. в Чистополе, находясь в эвакуации. Указанные выше строки подчеркнуты Асеевым в этом издании. Интересно также отметить, что Асеев перечитал (или хотел перечитать) в эти годы всего Блока: в конце сборника «Ямбы» отмечен Асеевым перечень книг Блока и добавлено от руки еще одно название: «Есенина II-е изд. стихи».

Лучшие свои стихи этого периода Асеев включил в подготовленный в те годы сборник «Будни войны» (в свет не вышел); позднее, в 1946 г., была опубликована книга стихов поэта «Пламя победы», а в 1961 г. — небольшой сборник «Самые мои стихи», в которые вошли некоторые из предполагавшихся для сборника «Будни войны» стихотворений. К этому сборнику Асеев написал предисловие в стихах, озаглавив его «Предпосылка к книге»; оно сохранилось в его архиве во множестве вариантов. В одном из них, в частности, говорится:

Давненько я не занимался стихами:
бумаги у нас — не избыток,
зачем же ее занимать пустяками
и чувств, и суждений избитых.

И далее:

Я видел во сне Александра Блока!
Я с ним заключил союз!⁶³

Имя Блока возникает в сборнике «Будни войны» еще раз, в заключительном стихотворении:

Сколько было нас?	в океан-глубину унесло!
Хлебников, Блок и Марина Цветаева,	Кем мы были?
Маяковский, Есенин,—	Цветами, листьями, зарницами,
всей певчей дружины число...	звездами,
Сколько светлых снегов,	доказательством
отсияв,	ваших,
уплыло и растаяло	недаром промчавшихся лет... ⁶⁴
и по мелким ручьям	

Последняя статья Асеева, посвященная Блоку, была написана в 1946 г. Она называлась «Памяти Блока. К 25-летию со дня смерти»⁶⁵. Суждения, высказанные в статье «Поколение Блока», здесь существенно скорректированы опытом военных лет. Главное внимание автора сосредоточено на установлении внутренних взаимосвязей Маяковского и Блока, ставших возможными в силу их поэтической «родословной», берущей начало от Некрасова и Пушкина. Это сопоставление родилось у Асеева еще раньше, в годы войны; здесь он развивает и подтверждает его примерами творческих совпадений всех названных поэтов. В наследии Блока автор статьи особенно выделяет патристический пафос его творчества: «Он встает, как певец своей родины, того „дивного дива“, которое он прозревал сквозь года глухие, в очертаниях которой он видел могучие черты нового света».

В конце жизни Асеев активно перечитывает Блока. В его личной библиотеке сохранились все издания поэта этих лет: «Избранное» (М., ГИХЛ, 1954, с дарственной надписью составителя В. Н. Орлова и пометками Асеева); Сочинения в 2 томах (М., ГИХЛ, 1955 — также с пометками); «Город мой. Стихи о Петербурге-Петрограде». Л., 1957. Сохранилось и собрание сочинений Блока 1922—1923 гг. (изд. «Алконост»): тома пятый («Театр. 1906—1919»), седьмой («Статьи. Книга первая, 1906—1921») и девятый («Статьи. Книга третья. 1907—1921»), которые мы тоже относим к кругу чтения Асеева последних лет жизни. В сохранившихся томах нет никаких следов того, как и когда они попали в библиотеку Асеева, однако можно предположить, что это произошло не в 1920-е годы, а значительно позднее, во всяком случае, после Великой Отечественной войны. В один из них — седьмой, содержавший статьи поэта («Лирические статьи. Россия и интеллигенция. Молнии искусства. О назначении поэта»), вложен Асеевым портрет Блока, выпущенный в 1960 г. С удовлетворением, очевидно, в подтверждение мысли, высказанной в статье 1946 г. о взаимовлиянии Блока и Маяковского, Асеев отмечает в издании 1955 г. запись Блока в дневнике от 6 марта 1914 г.:

«Искусство — радий (очень малые количества). Оно способно радиоактивировать все — самое тяжелое, самое грубое, самое натуральное: мысли, тенденции и „переживания“, чувства, быт. Радиоактивному поддается именно живое, следовательно — грубое, мертвого просветить нельзя». И рядом Асеев пометает:

«Поэзия — та же добыча радия...»⁶⁶

В литературно-критических выступлениях Асеева последнего десятилетия жизни мысль о взаимосвязях Блока и Маяковского постоянно варьируется. Однако по сравнению с прежними выступлениями на эту тему она получает более обобщенное и глубокое значение. Речь идет о судьбе отечественной литературы в целом, о понимании советской литературы как звена в общей цепи истории культуры, о преемственности и традициях как выражении национального самосознания народа.

Асеев одним из первых советских писателей заговорил об этом. В статье 1956 г. «Структурная почва в поэзии» он назвал Маяковского прямым продолжателем Блока и Андрея Белого: «Как бы ни относиться к их творчеству, но нельзя забывать того, что оно, это творчество, шло от лучших традиций общерусской поэзии», — писал Асеев. Он напоминал читателю и причины «уступок обстоятельствам», свойственных, с его точки зрения, музе Блока: «Уныние же и пессимизм, иногда овладевавшие им (Блоком), были лишь усталостью и неясностью будущего. Но в Россию он верил, в свой народ верил и видел в его судьбах будущее человечества»⁶⁷.

Асеев пересматривал многие устоявшиеся в науке и читательском сознании представления, касающиеся начальной поры советской литературы. При некотором субъективизме отдельных оценок предложенный автором пересмотр сыграл безусловно большую положительную роль. Это должно быть отнесено и к пониманию судьбы Блока.

Одно из центральных мест в статье «Не такое нынче время» заняла у Асеева тема Блока:

Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

— эти строки из поэмы «Двенадцать» использует Асеев в качестве эпиграфа к статье, посвященной первым годам советской литературы, трудной поре ее зарождения и развития. Симпатии Асеева по-прежнему отданы Маяковскому и поэтам его окружения, но он высоко оценивает Есенина; непревзойденным образом творческого и личного поведения остается для него Блок. Асеев пытается разобраться в том, почему так трудно, с такими издержками и мучениями проходил процесс рождения новой, советской литературы. В опубликованный текст статьи не вошли следующие строки:

«„Не такое нынче время, чтобы нянчиться с тобой!“ — было сказано в лучшей поэме того времени; сказано, но не замечено, что это лучшая поэма для такого времени! Блок уже отошел в прошлое, наполовину признанный, наполовину осужденный за своего „в белом венчике из роз Христа“»⁶⁸. (Заметим кстати, что и в статье Асеева 1919 г. тоже содержалось неприятие этого образа как чего-то внешнего, навязанного поэту его религиозным сознанием.)

«И до сих пор не раскрыт этот образ у Блока, — писал Асеев в статье 1959 г. — Христос как воплощение справедливости, святости, правоты двенадцати апостолов правды, красно-

гвардейцев, идущих на сражение с былой неправдой, с силами тьмы и жестокости, бесчеловечности. А как было иначе обозначить такой образ? Как его найти?»⁶⁸. В неопубликованном варианте статьи Асеев разъяснял вопрос более подробно:

«В имени ли Спартака? Назвать ли его Пугачевым или Стенькой Разиным? Все это было бы совершенно не совпадающе с тем, чем представлялась тогда правда, справедливость, человечность»⁷⁰. «И вот пришлось прибегнуть еще раз поэту к образу „сына человеческого“, издавна служившего символом всякой человечности, всякой людской справедливости»⁷¹.

И хотя Асеев не до конца принимает такую «подробность», как «белый венчик из роз» (противопоставляя его «терновому венцу» у Маяковского), здесь, несомненно, более глубокая трактовка центрального образа и всей концепции «лучшей поэмы того времени». На этой новой трактовке Блока Асеев настаивает в ряде выступлений последних лет жизни.

В личном архиве Асеева сохранился черновой набросок его письма в ЦК КПСС с просьбой «об увековечивании памяти поэта Александра Александровича Блока постановкой в Ленинграде памятника автору поэмы „Двенадцать“, откликнувшемуся первым на революционные дни зимы 1917 года». Асеев писал: «Поэма „Двенадцать“ недостаточно оценена [нашей критикой] из-за концовки, в которой Христос якобы ведет двенадцать апостолов правды» критикой. Между тем поэма эта воспроизводит разнообразные голоса тогдашних участников событий, из которых как бы к сердцу поэта выделяется голос красногвардейца: „Не такое нынче время, чтобы нянчиться с тобой, потяжеле будет бремя нам, товарищ дорогой“.

Я думаю, что теперь уже настало время оценить внимательно поэтическую судьбу Блока, и в 1905 году откликнувшегося рядом стихов, обращенных к революции, и в 1917 году»⁷².

В концепции Асеева подчеркнуто своеобразие патристической темы Блока. Сохранился отрывок, который, очевидно, входил в статью «Грамотность и культура» (1957):

«...Итак, „чего не уловишь прозой“. Может быть, еще точнее: „чего не уложишь в прозу“. Вот примеры:

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма...
Эх, не пришлось бы расстаться, раскаяться,
Вольному сердцу на что твоя тьма?

А. Блок

А месяц будет плыть и плыть,	Россия — сонь, Россия — синь,
Роняя руки по озерам,	Россия — брошенный ребенок,
И Русь все так же будет жить,	Россию, сердце, возноси
Плясать и плакать под забором.	Руками песен забубенных.

Есенин

Асеев

Во всех трех примерах чувство Родины основано не на восхвалении ее качеств, ее величия, ее необъятности и, тем не менее, ощущение Родины, страны, во всех трех примерах достаточно сильно, достаточно объемно»⁷³.

Фрагмент остался неопубликованным. Но то обстоятельство, что свое собственное поэтическое творчество Асеев стремится рассматривать именно в блоковском русле отечественной литературы, следовало не только из приведенных строк, а из всей системы размышлений поэта последних лет жизни.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. библиографический указатель «Русские советские писатели. Поэты», т. 2 и т. 3, ч. 2. М., 1978—1980.

² Н. А с е е в. Собр. соч. в 5 томах, т. 5. М.: Худож. литература, 1964, с. 390. Далее ссылки на это издание.

³ См. предисловие Д. Рачкова к публикации статьи Асеева на смерть Блока «Памяти поэта» из газеты «Дальневосточный телеграф». — «Русская литература», 1970, № 2; статью В. Н. Орлова к публикации письма Блока Асееву. — Сб. «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции „Творчество А. А. Блока и русская культура XX века“». Тарту, 1975 и др. (по указателю «Русские советские писатели. Поэты»).

⁴ Н. А с е е в. Поколение Блока. — «Сов. культура», 16 сентября 1980 г. Публикация Вл. Орлова. Статья датирована В. Н. Орловым 1945 г. (с вопросом); на наш взгляд, она могла быть написана несколькими годами раньше, во всяком случае, до Великой Отечественной войны. В пользу довоенного времени написания статьи Асеева свидетельствует ее содержание, в котором нет отзвуков событий и чувств военных лет.

⁵ «Лит. газета», 1 декабря 1940 г.

- ⁶ А с е е в, т. 5, с. 393.
- ⁷ «Письма к родным», I, с. 277.
- ⁸ «Чтец-декламатор», т. IV. Антология современной поэзии: Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. Киев, 1909, с. 478—489.
- ⁹ «Проталинка», 1914, № 12, с. 778.
- ¹⁰ С. П. Б о б р о в. Записки о прошлом. — Машинопись, подготовленная К. М. Асеевой и О. Г. Петровской для сборника «Воспоминания о Николае Асееве». Экземпляр машинописи хранится у автора наст. статьи.
- ¹¹ Этот фрагмент вошел в опубликованную часть воспоминаний С. П. Боброва. — «Воспоминания о Николае Асееве». М., Сов. писатель, 1980, с. 9—10.
- ¹² С. П. Б о б р о в. Указ. соч.
- ¹³ К. М. А с е е в а. Из воспоминаний. — «Воспоминания о Николае Асееве», с. 13.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ «Проталинка», 1915, № 2, с. 109; газ. «Далекая окраина», Владивосток, 7 января 1919 г.
- ¹⁶ «Далекая окраина», 1 января 1919 г.
- ¹⁷ А с е е в, т. 1, с. 20—23, 37.
- ¹⁸ «Сов. культура», 16 сентября 1980 г.
- ¹⁹ Так писал Асеев о новом качестве символизма, выразившемся, с его точки зрения, в поэзии Пастернака. — См. предисловие Асеева к книге: Борис Пастернак. Близнец в тучах. М., 1914, с. 6.
- ²⁰ «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции...», с. 176.
- ²¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 135, л. 1. Публикуется впервые.
- ²² Там же, л. 2. См. прим. 20.
- ²³ Там же, л. 2 об.— 3. Публикуется впервые.
- ²⁴ Там же, л. 3.
- ²⁵ «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции...», с. 177.
- ²⁶ Эти сведения содержатся в «Азбучном каталоге» библиотеки, составленном самим Блоком в конце жизни. — ИРЛИ, ф. 654, ед. хр. 388. Сообщено редакции «Литературного наследства» О. В. Миллер.
- ²⁷ См.: «Библиотека А. А. Блока. Описание», кн. I. Л., 1984, с. 87.
- ²⁸ Б. П а с т е р н а к. Люди и положения. — «Новый мир», 1967, № 1, с. 226.
- ²⁹ «Зор. Ник. Асеева. Книгоиздательство „Лирень“ на Москве 1914 году», с. 3.
- ³⁰ Николай А с е е в и Григорий П е т н и к о в. Леторей. Книга стихов. М., «Лирень», 1915, с. 4.
- ³¹ ГБЛ, ф. 386, книги, ед. хр. 900. На книге дарственная надпись: «Валерию Яковлевичу Брюсову. 23 октября 1915».
- ³² «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции...», с. 177.
- ³³ Действительно, в 1916 г. Асеев находился в армии, о чем не раз рассказывал в своих воспоминаниях: «В 1915 году меня забрали в армию (...). Война была в разгаре. В городе Мариуполе мы проходили обучение в запасном полку. Затем нас отправили в Гайсин, ближе к Австрийскому фронту, чтобы сформировать в маршевые роты» (А с е е в, т. 1, с. 10, 11—12). Сохранились письма Асеева Боброву от сентября 1914 — декабря 1917 г., в том числе и посланные из Гайсина (февраль — март 1917 г.), где Асеев служил в армии в качестве рядового 18-го запасного полка, исполняя должность писаря в «канцелярии 14-й сборной роты»; служба его складывалась так, что он время от времени получал отпуск домой и просил Боброва посылать ему корреспонденцию по харьковскому адресу (ЦГАЛИ, ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 10).
- Замечание Асеева о том, что он был в армии и послать Блоку письмо не мог, не совсем точно: письма Боброву свидетельствуют о том, что он как раз активно занимался в это время и творческой работой и организационно-издательскими делами. В одном из писем Асеев послал Боброву только что написанный цикл стихотворений — «Ветка звезд», в другом — поэму «Война (Словопредставление)», с просьбой опубликовать их. В письмах шла речь и об издании сборника стихотворений «Оксана» в книгоиздательстве «Центрифуга» и т. д.
- ³⁴ Личный архив Асеева.
- ³⁵ Статья напечатана в «Уч. зап. Краснодарского государственного пед. ин-та», вып. 24а, 1961.
- ³⁶ Сдано в набор 16 марта 1961 г.; следовательно, С. М. Тарасенков обращался к Асееву до этого времени.
- ³⁷ А с е е в, т. 5, с. 387.
- ³⁸ Об этих статьях см. ЛН, т. 93, с. 449.
- ³⁹ «Воспоминания о Николае Асееве», с. 42—44.
- ⁴⁰ Там же, с. 42.
- ⁴¹ Александр Б л о к. Двенадцать. Скифы. СПб., 1918 («Революционный социализм». № 17).
- ⁴² «Дальневосточное обозрение», Владивосток, 12 октября 1919 г.
- ⁴³ «Творчество», 1920, № 3, с. 1.
- ⁴⁴ «Творчество», 1920, № 4, с. 24.
- ⁴⁵ Н. А с е е в. Еще один. — Газ. «Дальневосточная трибуна», Владивосток, 12 февраля 1921 г.
- ⁴⁶ «Дальневосточное обозрение», 1 июня 1919 г.

- ⁴⁷ «Дальневосточное обозрение», 22 июня 1919 г.
- ⁴⁸ «Дальневосточное обозрение», 29 мая 1919 г. Перепечатано: «Русская литература», 1971, № 1. Публикация Д. Никитина.
- ⁴⁹ Газ. «Воля», Владивосток, 16 октября 1919 г.; «Воля», 17 октября 1919 г. Перепечатано: «Москва», 1974, № 1, с. 197—200. Публикация О. Смоля.
- ⁵⁰ Н. А с е е в. Памяти поэта.— Газ. «Дальневосточный телеграф», Чита, 19 августа 1921 г. Перепечатано: «Русская литература», 1970, № 2. Публикация Д. Рачкова. Указ. на другие перепечатки см. в библиографическом справочнике «Русские советские писатели. Поэты».
- ⁵¹ Письмо опубли.: «Дальневосточный телеграф», 25 мая 1922 г. В 1922 г. вышли книги: В. М. Ж и р м у н с к и й. Поэзия Александра Блока; К. Ч у к о в с к и й. Книга об Александре Блоке. Изд. 2.
- ⁵² Н. А с е е в. Советская поэзия за шесть лет.— ИМЛИ, ф. 220, оп. 1, ед. хр. 6.— Опубли.: «Вопр. лит.», 1967, № 10, с. 178—184. Публикация Л. Таганова.
- ⁵³ «Печать и революция», 1922, № 8. Цит. по кн.: Н. А с е е в. Дневник поэта. Л., 1929, с. 151.
- ⁵⁴ Н. А с е е в. Работа над стихом. Л., 1929, с. 61.
- ⁵⁵ А с е е в, т. 1, с. 172—173.
- ⁵⁶ Письмо А. В. Луначарского Асееву, б/д. Машинопись.— ЦГАЛИ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 24. Опубли.: «Урал», 1965, № 11, с. 167—168.
- ⁵⁷ Письмо Асеева Д. Молдавскому от 28 марта 1963 г. Опубли.: Дм. М о л д а в с к и й. Господин лучший, господин барин и мы с мужиком. М.— Л., 1965, с. 335—357.
- ⁵⁸ А с е е в, т. 3, с. 394.
- ⁵⁹ «Лит. газета», 1 декабря 1940 г.
- ⁶⁰ Н. А с е е в. Александр Блок.— ЦГАЛИ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 124.
- ⁶¹ «Сов. культура», 16 сентября 1980 г.
- ⁶² ЦГАЛИ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 149, л. 1—7.
- ⁶³ Личный архив Асеева.
- ⁶⁴ Машинопись с правкой Асеева.— Личный архив Асеева.
- ⁶⁵ Газ. «Советская Латвия», 7 августа 1946 г.
- ⁶⁶ Александр Б л о к. Соч. в 2 томах, т. 2. М., ГИХЛ, 1955, с. 462. Библиотека Асеева.
- ⁶⁷ А с е е в, т. 5, с. 486—487.
- ⁶⁸ Машинопись с правкой Асеева.— Личный архив Асеева.
- ⁶⁹ А с е е в, т. 5, с. 387.
- ⁷⁰ Машинопись с правкой Асеева.— Личный архив Асеева.
- ⁷¹ А с е е в, т. 5, с. 390.
- ⁷² Черновой автограф.— Личный архив Асеева.
- ⁷³ Черновой автограф.— Личный архив Асеева.